

Валентина Брио
Илья Захарович

Илья Захарович был всегда. И это очень поддерживало, — что особенно остро чувствуешь сейчас: это придавало спокойствия, уверенности, в этом была надежность. Это чувствовалось во всем его облике спокойной величавости (не от лучших ли героев его трудов?) и неизменной доброжелательности. Он был как бы из другого века. Человек Ренессанса? Он жил отчасти в том времени, что и его герои.

Он был также и из тех времен, почти (а сейчас точно уже) легендарных, когда вместе с коллегами и учителями они прокладывали новые пути науке о литературе. По его книгам мы учились в студенческие годы: как бы живой классик. Однажды его так и назвали, на одной из конференций: «какой-то чудак», — «живым классиком державиноведения», — как он не без самоиронии («теперь я что-нибудь нетленное создам») рассказывал.

Мы все им восхищались: его речью, свободно и красиво текущей, естественно, как течет река, — без затруднений в выражении мысли. Восхищало его умение увидеть то, что, казалось, лежало на поверхности: но сотни прошли по пестрой гальке, и никто не поднял чуть сверкнувший там драгоценный камень...

В текстах Пушкина, Лермонтова (что помнились наизусть со школьных лет), Гоголя, Достоевского, Карамзина, — Илья Захарович делал открытия: к примеру, о словесной теме зла как организующем начале в «Медном Всаднике»; о скрытой цитате из Чаадаева в «Княгине Лиговской» Лермонтова; о неопознанной пародии Чехова.

Он любил жизнь во всех ее проявлениях, — нет, ему были *интересны* все проявления жизни, — опять не то: он умел *удивляться*! Он сохранил в себе эту детскую черту — удивление перед многообразием жизни вокруг. Сохранившие это — становятся поэтами. Он был поэтом. Мы знаем, что поэты не всегда пишут стихи, бывает, пишут что-либо другое, — может быть, научные книги. Не случайно, он восхищался ... нет, не Пушкиным! (не только Пушкиным, скажем так) — открытиями Ньютона! — «Оказывается, что цветовая гамма стала арсеналом поэзии только после того, как Ньютон разложил свет на семь его составляющих! Не знаю, как моим будущим слушателям, но мне все это было интересно (!) и полезно (!!))» (из письма 1994 г.).

Он нередко повторял, что писатель его «удивил», «я удивляюсь». Это удивление и становилось зерном, из которого вырастали его оригинальные концепции, его работы. К «своим» писателям он вообще относился «по-человечески»: знал их характеры, слабости, мог сетовать, поражаться или смеяться их проявлениям в жизни или творчестве («С Михаилом Юрьевичем пока я только веду диалоги на лекциях, проверяю себя и свои догадки»; из письма 1993 г.).

Поэзию он знал и тонко понимал: нет нужды говорить о его блестящих анализах поэтических произведений, — они известны. Но он видел поэтов там, где другие их не замечали. Илья Захарович первым обратил внимание на то, что Димитрий в «Борисе Годунове» — поэт. И что это важно было Пушкину, потому что составляло основу характера его героя, непоследовательного в поступках.

В этом величавом степенном ученом муже было немало детского, мальчишеского, даже озорного (кстати, великолепно рассказывал анекдоты...). Он мог вполне серьезно предложить: давайте напишем продолжение «Княгини Лиговской»! (неоконченной повести Лермонтова). Тогда он работал над книгой о Лермонтове, а я только начинала работать в Еврейском университете. Конечно, я сразу согласилась, и мы стали

выстраивать будущие картины грандиозного литературного скандала (а чем еще, скажите на милость, кончаются подобные «предприятия?»), — но сознаю, всерьез я этого предложения не приняла. А Илья Захарович эту тему долго не оставлял, она по-настоящему занимала его. Признаться, — до сих пор не знаю: было ли то всерьез или в шутку... Во всяком случае, ему не давала покоя и другая недописанная вещь Лермонтова — таинственная новелла «Штосс», о которой литературоведческая наука продолжает спорить и не приходит к какому-либо определенному заключению.

С тем же спокойствием и серьезностью написал он о своих лагерных годах, никаких филиппик, факты, увиденные зорко и пронизательно. А что, — говорил Илья Захарович в ответ на удивление читателей (чуть ли не разводя руками, — это из его жестов), — в послевоенные, 40-е—50-е, годы было уже неплохо: кормили достаточно, мы не голодали, нормы выработки были посильные... Работал он на лесоповале в Колымских «просторах». А срок был — 25 лет. Когда мы спрашивали: как Вы относились к этой «перспективе»? что думали? — Он говорил, что надеялись, как в известной притче, что падишах умрет; а в переписке с женой, Руфью Александровной, на эзоповом языке, они обращались к истории диодохов. И оказались правы.

Илья Захарович был человеком и ученым увлеченным и увлекающимся, вот какой бывала его «творческая лаборатория»:

«Я же по своей всегдашней привычке разбежался по разным направлениям. В частности, доказал, что «Крокодил» Достоевского таки памфлет на Чернышевского, а не безобидная шутка, как доказывал автор в 1873 г., и как утверждает комментарий к академическому Достоевскому.

Про Лермонтова я здесь, в процессе лекций, понял, что оппозиция Печорин/ Максим Максимыч есть художественное воплощение того, что на философском языке эпохи

именовалось несоответствием или конфликтом самосознания и субстанции» (из письма 1993 г.).

Неужели не раздастся звонок, и участливый голос не спросит: ну как Вы, дружок?.. А я тут раздумывал.... — и будет рассказ о замысле, а может, о его завершении, а может, о неожиданном открытии, а может... Никогда...

Чем воздать за любовь, поддержку, веру в тебя? – Только памятью, ведь там, в светлых ее пространствах, Илья Захарович всегда – есть.